

«НАСЛЕДНИЦА»:

ИМПЕРАТРИЦА ПОСЛЕ СМЕРТИ
ВАШ ХОД, СВЕТЛЕЙШИЙ
СБРАСЫВАЕМ МАСКИ, ГОСПОДА

Рина Ских

ИМПЕРАТРИЦА ПОСЛЕ СМЕРТИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С42

Ских, Р.

С42 Императрица после смерти / Р. Ских. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 262 с. — (Наследница).

ISBN 978-5-521-92162-1

Мало кто из любительниц фэнтези не мечтает попасть в другой мир. И чтобы замок дали. И подданных разномастных. И сразу принцессой сделали. Нет, королевой! И чтобы парни сразу такие штабелями... Ну и магии побольше, разумеется...

Но что если из-за титула тебя теперь жаждет убить каждый представитель могущественной империи? Врученные Темные Земли находятся в полнейшем запустении, а подданные и вовсе за личность не считают? Что еще? Парни? О да, целых трое! И сговорились заточить в золотую клетку до конца твоих дней, чтобы и волос не упал с головы, ведь жизни Темных теперь зависят только от тебя... И что остается? Только выживать, вопреки всему! Уж второй шанс на жизнь я не упущу!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92162-1

© Ских Р., 2021
© Аннета, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Ненавижу своего отца. Ненавижу и боюсь одновременно. Такое часто бывает в неблагополучных семьях, не правда ли? Только вот мы к таковым не относились.

Я жила в большом шикарном доме. У нас была любящая семья — отец, мать, я... Для тех, кто нас не знал. На деле же родителям было друг на друга наплевать, и я им была не нужна. Честно говоря, до сих пор не понимаю, почему родители решили завести ребёнка? Не раз думала о том, что для всех было бы лучше, чтобы меня не было.

Мать исправно посещала салоны красоты и фитнес-центры, беззаботно щебетала по телефону или встречалась с подругами. Когда они приходили в наш дом, меня отсылали в другую комнату. Я долго гордилась своей красивой мамой. Высокая, с точёной фигуркой, смуглой кожей и шикарной гривой каштановых волос. Огромные трогательные карие глаза, аккуратный носик и маленький ротик с пухлыми губками. Внешностью я, к сожалению, пошла явно не в неё и очень долго восхищалась ею — женщиной, сошедшей с обложки модного журнала. Пока однажды не поняла, что она картинка и есть. Красивая, холодная, пустая.

Отец почти постоянно пропадал на работе. Иногда на какие-то деловые встречи и светские мероприятия брал маму с собой, а я оставалась дома с няней. Честно говоря, я даже не знала, кем отец работает. Как принято говорить — у него был свой бизнес. Он приходил вечером и запирался в своём кабинете. Туда заходить мне было категорически нельзя. Я и не стремилась. Была на редкость послушным ребёнком. Другого от меня и не ждали.

Я не жалею на своё детство — мало кому из сверстников было дано то, что мне принадлежало по праву. Меня отдали в самую дорогую художественную школу нашего города — там заслуженные преподаватели из любой посредственности могли воспитать вполне сносного художника. Мне покупали всё: разнообразные сладости, шикарные игрушки, красивые наряды. Но не хватало самого главного — родительского тепла. Отец проходил мимо, словно я пустое место.

Я очень хотела понравиться своей нереально красивой маме. Но все попытки воспринимались с лёгким налётом недоумения и здоровой долей скептицизма. После чего у меня каждый раз появлялась новая игрушка. В конце концов она сказала, что я её слишком утомляю и, возможно, стоит отправить меня в какую-нибудь закрытую школу подальше от дома. Это было сказано не мне. Я случайно услышала разговор родителей. Отец жутко разозлился. И хоть его аргументом было то, что моя отсылка скажется на его репутации, обрадовалась. «Я ему небезразлична», — думала тогда. Глупая наивная девчушка...

Тогда мне только исполнилось четырнадцать. Я неверно поняла слова отца и решила укрепить свои позиции, заставить его полюбить меня. Показывала ему свои лучшие рисунки. Он на них толком даже не смотрел. Пыталась нарисовать его. Но после брезгливой гримасы, поняла, что мне не дано рисовать портреты, и вообще это неверный путь к цели.

И я решила сделать ему дорогой подарок. Карманных денег у меня никогда не было, только мелочёвка, которую давали на школьные обеды. Все свои нехитрые сбережения потратила на дорогую пепельницу. Поставила её в отсутствие отца в его кабинете. Прицепила наивную записочку: «Папа, я тебя люблю». Но всё пошло совсем не так, как ожидала.

Вечером обозлённый отец ворвался в мою комнату и долго орал, что я никчёмная, глупая девчонка, неспособная запомнить, что в его кабинет без спросу входить нельзя. Тогда прозвучало много обидных слов, даже не хочется вспоминать их. В завершение он влепил мне звонкую пощёчину, разбив губу.

После этого он меня оттолкнул, особо не церемонясь, и ушел. Именно тогда я впервые испытала ужас — меня бросило в жар, тело покрылось липким потом, а в висках застучали молоточки. Я так и стояла посреди комнаты, пока не подбежала моя гувернантка. Она и приложила холодную примочку на разбитую щеку и губу, пока я пребывала в ступоре. А утром обнаружила осколки пепельницы в урне вместе с осколками разбитой надежды на теплые отношения в семье.

Тогда я чётко поняла, что чужая и нежеланная здесь. И какое будущее меня тогда ждёт? Выйти замуж за папиного делового партнёра, родить ему наследника и до конца своих дней посещать салоны и болтать с подругами о скучной жизни? Это в лучшем случае. Про худшие и думать неохота...

Отец явно хотел сына, а меня считал ни на что не годной недалёкой слабачкой. Ему проще передать свою компанию моему будущему мужу, которого он мне сам же и выберет.

Но хотела ли я сама что-нибудь изменить?.. Скорее да, чем нет. Но сделать это было не в моих силах. Как бы пафосно это ни звучало. Это всё отговорки, скажете вы? Да, мне просто слабо. Я не готова была бросить благополучие ради призрачной свободы.

После моего шестнадцатилетия всё стало только хуже. Отец не стеснялся поднимать на меня руку. Я не понимала, чем заслужила такое отношение? Да и сейчас не пойму. Иногда поводом служило просто его плохое настроение. Мои руки постоянно были в синяках, да и на животе и рёбрах часто багровели ссадины и другие следы побоев. Пожаловаться

я никому не могла — однажды пыталась рассказать матери, но она сдала меня отцу. Тогда он избил меня так, что сломал руку. До сих пор затрудняюсь ответить, было ли это случайностью, или он сделал это намеренно? По официальной версии его дочь просто упала с лестницы.

Я уже даже не пыталась разобраться в причинах или как-то бороться с ним. Надеялась, что это лишь такой период, и спустя какое-то время он поймёт, что не прав, и всё прекратится. Но становилось только хуже. Мать он не бил. Лишь меня. После перелома я старалась вообще с ним не пересекаться и уже ни на что не надеялась.

Иногда я всерьёз думала о смерти. И всегда вечерами мечтала, что смогу уехать, буду сильной, смогу жить одна... Но на утро вновь принимала жизнь такой, какая она есть. Смирилась со своей слабой бесхарактерной личностью.

А ещё я рисовала. Много рисовала. Не сказать, что была особо талантливой, но и откровенных каракулей не изображала. Рисование стало для меня отдушиной. На бумагу я могла выплеснуть боль и разочарование, даже протест. Моими любимым героями были сильные самодостаточные личности, которые толпами крушили врагов.

Да, каюсь — книги фэнтези я тоже читала. И хоть в них всё насквозь фальшивило — это намного лучше, чем моя реальность. Вот я и иллюстрировала книги, добавляя что-то своё. Рисунки я прятала в папку. И старалась никому их не показывать.

В продвинутом университете, куда меня отправили после школы, намеренно ни с кем не сближалась — отец ещё раньше предупредил, что не потерпит, чтобы я водила знакомства с кем-то, кого он сам не одобрил. Так и жила, вернее существовала.

На полочке в моей ванной стояли валерьянка, пустырник и ещё много разных антидепрессантов. Они всегда были

у меня с собой. Может, я слегка и превышала дозу, но только они помогали мне по ночам уснуть, а днём смириться с миром, где меня никто не любит, и я никому не нужна... Хотя, нет. Был ещё человек, которому я не безразлична.

Она папина сестра. Двоюродная, кажется... Её зовут Жанна. Она была пару раз у нас в доме на папочкиных приёмах, и единственная из гостей обращала на меня внимание. С ней уютно, и чувство неловкости быстро проходило. Я даже несколько раз была у неё дома, где всегда пахло красками, растворителями и свежей древесиной от рам для новых картин, которыми уставлено все. Именно эта женщина вдохновила меня заняться рисованием... Но, к сожалению, после очередной ссоры с отцом она стала нежеланной гостьей в нашем доме.

Так бы я и прожила всю жизнь, не привлекая чужого внимания.

Но вмешался случай...

Я сидела и рисовала в своём обычном убежище — на лестнице за большой кадкой с пальмой. Мне приснился великолепный сон. В котором я живу совершенно одна, и никого больше. Ну, ладно, не совсем так. Признаюсь, мне приснилось, что живу в фантазийном мире, в красивом особняке на берегу моря. И никому ничего не должна.

Никто не сможет меня там достать, а значит, никто не сумеет обидеть. Вот и пыталась изобразить на бумаге красками мини-замок, площадка которого нависает над морем. А я стою у парапета и смотрю куда-то вдаль. Ну, при этом ещё наряжена в шикарное средневековое платье. А над особняком (хотя больше похоже на замок), пролетает дракон.

Хлопнула дверь — отец вернулся. Хорошо бы он меня здесь не заметил. Разве я много прощу? Кто бы только знал,

как мне осточертело изображать бездушную куклу изо дня в день! Но надежды пропали зря.

— Златослава! Я сколько раз говорил тебе: не с-смей с-сидеть под лестницей, как нищенка! Иди с-сюда, немедленно! — сразу начал шипеть отец.

Он редко, когда повышал голос — в основном шипел. Это было настолько неприятно, а может, и просто страшно, что я всегда безоговорочно его слушалась. Лучше бы кричал.

Он уже поднялся по лестнице и остановился почти в конце ступенек. Я осторожно вылезла и нерешительно подошла к нему, бережно прижимая к себе любимую папку с рисунками. В том числе и с незавершённым.

За последний год его отношение ко мне поменялось существенно. Кажется, что он стал меня вдруг ненавидеть. Не раз получала от него удары по лицу практически ни за что. Несильные, но от того ещё более обидные.

Нет, с кулака ударить он себе никогда не позволит. Что не мешало ему отвечать мне увесистые пощёчины, от которых я падала, или трясти, больно сжимая плечи, а потом отбрасывая от себя, как нечто противное. Обычно я от этого натыкалась на мебель, набивая себе синяки и ссадины.

Моё имя вообще отдельная история. Где он его выкопал? «Злату — слава». Идиотизм полнейший. Как можно поклоняться деньгам, используя имя ребёнка?! Но, видимо, можно. Мой богатый отец тому пример. Я предпочитала сокращённый вариант — Злата.

У отца сегодня, видимо, настроение хуже некуда. Надеюсь, он закончит «моё воспитание» быстро. Главное, не поддаваться на подначки и ничем не спровоцировать на ещё большую агрессию.

— Ну, чего же ты медлишь, паршивка?! Я не ясно выражаюсь? — вот и шипящие нотки прорезались.